

Теляковский Владимир Аркадьевич

Мой сослуживец Шаляпин

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Аркадьевич Т.**
Мой сослуживец Шаляпин / Теляковский Владимир Аркадьевич – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 166 с.

ISBN 978-5-519-76449-0

ISBN 978-5-519-76449-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

последовательность и связность, они должны быть рассматриваемы так, как они есть, т. е. как отрывки, наброски, черновики, достоинства которых особенно подчеркиваются наряду с законченными характеристиками и тщательно выписанными портретами. Впрочем, по отношению к Ф. И. Шаляпину такая задача еще не могла-бы быть разрешена, что лишний раз оправдывает появление этой книги: не касаясь трудностей характеристики такого явления, как Шаляпин, самое время для этого, еще не пришло и всякие приговоры легко могут оказаться преждевременными!

В. А. Теляковский рассказывает о жизни и работе артиста, о появлении двадцатипятилетнего Шаляпина на большой сцене, о ранних замыслах и увлечениях, о клевете и травле, о первой поездке в Америку и последовавших затем переменах. Ряд мелких, здесь и там рассеянных замечаний о Шаляпине как режиссере, как художественном руководителе, напоминают о значении артиста в эволюции оперного спектакля, восстанавливают правильную перспективу, несколько утраченную сегодня.

Но больше всего привлекает автора быт. Шаляпин за занавесом, Шаляпин без грима, во время затишья, в театральном инденте, в театральной конторе или летом в деревне охотнее всего занимает внимание В. А. Теляковского. Это его сфера. Счастливая осведомленность и наблюдательность, меткость определения, легкость и ирония письма дарят нас тогда превосходными страницами.

Вопреки установившимся мнениям В. А. Теляковский утверждает здесь совершенно иной бытовой облик Ф. И. Шаляпина. Уже в этом заключена новизна и ценность предлагаемых набросков. Краткая памятка о величайшем артисте современности вполне полноправно открывает собой предпринимаемую серию книг о русском театре в воспоминаниях его деятелей.

Независимо от личных симпатий и интереса к артисту, В. А. Теляковский думает и пишет о Шаляпине еще и как о своем сотруднике, товарище по работе. Это премьер-директор императорских театров, это его первый сослуживец—и перебирая в памяти отдельные факты, автор часто говорит не столько о человеке и художнике, сколько о своем сослуживце Шаляпине. Это ныне старомодное понятие, кажется, верно определяет едва уловимый оттенок, остававшийся в отношениях премьера и директора и тонким ароматом сопровождающий страницы книги. Заглавие призвано оттенить этот привкус. Оно кстати придает имени артиста бытовое звучание обыкновенной фамилии, простое и уютное, каким оно было для автора, и окончательно определяет место этой книги, со страниц которой вырисовываются живые характеристики других сослуживцев и просвечивают искусно намеченные очертания ушедшего театрального быта.

ЕВГ. КУЗНЕЦОВ.

О ДАЛЬТЕНИЗМЕ

Дальтонизм, т. е. неспособность воспринимать цвета, неспособность отличить, например, красный цвет от зеленого, как известно, чрезвычайно распространен: из 26 человек, говорят окулисты, один непременно подвержен этому недостатку.

Если дефект этот касается одного только цвета, то сколько же подобных недостатков должно обнаружиться во всех других проявлениях, воспринимаемых глазом?!

Для того, чтобы судить и оценить артиста, нужно не только ясно и правильно на него смотреть, но и всё виденное верно понять и, составив себе правильное мнение, не менее правильно его изложить.

А так как многие, хотя и пристально смотрят, но ничего не видят, а если и видят, то своему зрению не доверяют, а стараются и привыкли смотреть глазами других, то ясно насколько всякое мнение об артисте получается сложно и запутанно, и как часто видят не то, что есть на самом деле, а то, что

видеть приятно и видеть хочется. Это же приятное и желательное часто покоится со всем не на началах действительности, а на различных условиях жизни, среды, положения, выгоды и различных личных качеств зрителя — и его, как развития, так и восприимчивости, потребностей и понимания.

Если два человека могут убежденно спорить, что один и тот же цвет одному кажется красным, а другому зеленым, то сколько же споров должен возбудить такой сложный, цветной и разнообразный рисунок, как Федор Иванович Шалапин, который поет, играет, двигается на сцене и в жизни, еще кроме того скандалит, себе иногда противоречит, глумится над непонимающими, смеется над бездарными, увлекается людьми, ему кажущимися искренними и часто высказывает самые необоснованные мнения?!

Все это вместе взятое окончательно сбивает с толку людей порядка, старающихся отыскать в гениальном художнике житейским им свойственную аккуратность, в которой все расположено последовательно, горошина к горошине. Этот порядок в артистах ценит и начальство и администрация, для которых главное качество артиста — упругость и способность не нарушать стройного графика административного расписания и бумажной отчетности.

ли при жизнеописании Шаляпина рас-
 шивать его артистическую деятельность,
 имея все вышеизложенное во внимание,
 правда же он окажется уже не таким аспик-
 как стараются изобразить его враги,
 и последние также едва ли будут похожи
 на беспристрастных ангелов-критиков, столь
 смело идущих спицы в глазах своих
 бев.

ИНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ. ПЕРВЫЙ ВЫХОД В БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ

Осенью в 1898 года, только что вступив
 в должность управляющего московской кон-
 цертной императорских театров, я впервые
 встретился Шаляпина. Услышал я его в партии
 Мефистофеля в «Фаусте» в Солодовниковском
 театре, где играла московская частная опера,
 организуемая и финансировавшаяся С. И. Ма-
 монтовым ¹.

¹ Московская частная опера (1897—1899), поддер-
 живавшаяся меценатом С. И. Мамонтовым—одно из
 наиболее могучих ответвлений нового театра, как он
 осознавался на рубеже XX века. Опера Ма-
 монтова пропагандировала современных русских
 композиторов (первое представление ряда опер Рим-
 ски-Корсакова), взлелеяла всю новую школу русской
 живописи (здесь начали
 работать Васнецов, Врубель, Поленов, Малютин, Се-
 ргеев-Коровин, Головин), наконец практически поста-

Я был поражен не только голосом Шаляпина, но игрой, фигурой, манерой держаться на сцене, дикцией и вообще музыкальным исполнением партии. Я был еще более поражен, узнав, что Шаляпин—бывший артист Мариинского театра,¹ о котором я до этого ничего не слышал ни от публики, ни от артистов, ни от моего театрального начальства. Очевидно произошло какое то недоразумение, что его отпустили с императорской сцены.

Инстинктивно я чувствовал, что артист могущий так исполнять свою партию, только важен для дирекции, как талантливый певец, но и как человек способный поднять наш оперный театр. Будучи новичком в театральном деле, я в своих начинаниях советовался с артистами и убедился, что у артиста Малого театра могу многому научиться,

вила вопрос о режиссуре оперного спектакля. В этом театре Ф. И. Шаляпин впервые выступил в роли партий, ставших впоследствии центральными в репертуаре («Грозный» в «Псковитянке», «Досифей» в «Хованщине», «Борис Годунов» и др.).

¹ Шаляпин двадцатидвухлетним юношей дебютировал в Мариинском театре (5 апреля 1895 года в «Фаусте»), был принят, выступил в сезоне 1895-1896 года три или четыре раза и столкнувшись с жесткостью казенной сцены, не дававшей хода молодому таланту, перешел в Московскую оперу Мамонтова, зашла неустойку.

же касается оперы и постановочной части, я себя чувствовал почти совсем одиноким. Надо было искать новых людей по этим специальностям. С этой стороны меня особенно интересовал Шаляпин. Я чувствовал, что тут настоящее и очень важное для театра и меня дело.

Я решил немедленно пригласить Шаляпина на императорскую сцену.

Однако мне сказали, что взять Шаляпина сейчас нельзя, что у него контракт до будущего года, и едва ли дирекция разрешит контракт нарушить, да еще платить неустойку, когда она сама не так давно получила с Шаляпина неустойку за уход его в оперу Мамонтова. Выходила какая то неловкость: старый опытный директор императорских театров Всеволожский, с ведома старого опытного капельмейстера Направника за ненадобностью отпустили Шаляпина, а молодой неопытный кавалерист Теляковский, только что назначенный управляющим московской конторой, не только хочет взять его назад, но собирается еще платить неустойку. Следовательно с петербургской дирекцией и разговаривать не стоит, надо какнибудь действовать без начальства, не спрашивая, но тут опять беда: контракт входит в силу только после его утверждения директором, — а что если Всеволожский не утвердит? А это легко может

быть, ибо Шаляпин в Мариинском театре получал 2400 руб. в год,—если-же его отпустили, значит находили, что он этих денег не стоит. Теперь у Мамонтова Шаляпин получает 6000 руб., значит ко мне меньше 10-12.000 не пойдет, ибо в Москве имеет успех.

Я решил действовать помимо петербургской дирекции, не доводя об этом до ее сведения, действовать немедленно, оправдываясь, если это надо будет, своей неопытностью.

С Шаляпиным мне необходимо было свидеться под секретом и как-бы случайно. Несколько дней продолжалось обсуждение, как это все исполнить. Все детали надо было решить вперед, ибо свидание, как свидание секретное, может быть только одно, а если сразу не будет все решено и подписано, разумеется в Москве и Петербурге, узнают, что меня посещает Шаляпин, (а я был так хорошо окружен, что мог вполне рассчитывать на разоблачение своей тайны), если же узнают, то опера Мамонтова примет меры, чтобы Шаляпина задержать, а из Петербурга я получу дружеский совет его не ангажировать.

Дипломатическая миссия переговоров с Шаляпиным была поручена мной дипломату по рождению, моему чиновнику особых поручений В. А. Нелидову. 18 ноября 1898 года я вызвал Нелидова и подробно объяснил ему

его задачу, взяв с него слово никому о ней не говорить. Нелидов должен был пригласить Шаляпина на завтрак в «Славянском базаре», на завтрак денег не жалеть, и после соответствующего завтрака привести Шаляпина ко мне на квартиру. Я же заготовлю вперед контракт, оставив лишь место для вписания гонорара, и до подписания контракта Шаляпин из моего кабинета не выйдет. Контракт было решено заключить на три года и с крупной неустойкой.

12 декабря ко мне приехал Шаляпин с Нелидовым, позавтракавшие в «Славянском базаре». Оба были в хорошем расположении духа. После долгих переговоров, Шаляпин подписал контракт на 3 года с оплатой в 9, 10 и 11 тысяч в сезон. Контракт был заключен с 23 сентября 1899 г. по 23 сентября 1902 г., при неустойке по 15.000 за каждый неисполненный сезон—всего 45.000—за три сезона. Решение наше сговорились держать в секрете до утверждения его директором императорских театров, а будь возможно, то и до самого сентября 1899 г. А чтобы не давать поводов к разговорам, было решено, что я с Шаляпиным больше видаться не буду.

24 декабря 1898 г. контракт был утвержден директором, и я лишь получил выговор, что дорого заплатил. Всеволожский мне сказал, что «нельзя платить такие большие деньги

басу», на что я ответил, что пригласили мы не баса, а выдающегося артиста. В это же время в Петербурге для поднятия интереса к русской опере заключали контракт с басом Парижской Большой оперы Дельмасом по 1500 р. за выход.

В петербургской дирекции приглашением Шаляпина остались определенно недовольны. Но не утвердить контракт было невозможно, ибо я тогда обратился-бы к министру двора, который несомненно-бы меня поддержал. Это в Петербурге знали.

Весной 1899 года по Москве распространились слухи о переходе Шаляпина на императорскую сцену. Приблизительно одновременно стали упорно говорить, что Шаляпин передумал и остается в частной опере Мамонтова и контракт заключенный мною будет нарушен. В письме от 13 апреля 1899 года И. А. Всеволожский писал мне:

«Здесь положительно утверждают, что Мамонтов опять переманил Шаляпина и подписал с ним контракт в 15 тыс. рублей. Я полагаю, что Вам полезно это знать теперь же, т. к. понадобится Вам заместитель на басовые партии».

Судя по последней фразе в Петербурге по-прежнему считали Шаляпина, как одного из тех басов, которых если нет, то можно заместить другим...